

ЛЕВ ЛОСЕВ

ИОСИФ
БРОДСКИЙ

ОПЫТ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
БИОГРАФИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
Л 79

Издательство выражает благодарность Фонду по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского и лично Алексею Гринбауму за содействие в подготовке и осуществлении настоящего издания.

Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.

Издательство выражает признательность Якову Гордину за предоставление фотоматериалов.

Оформление обложки Валерия Гореликова

В книге упоминаются Александр Александрович Генис и Дмитрий Львович Быков, признанные иноагентами.

Лосев Л.

Л 79 Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Лев Лосев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 640 с. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-29514-8

Книга об Иосифе Бродском, написанная Львом Лосевым, впервые была издана в 2006 году и сразу стала очень значимым культурным событием. Невозможно свести биографию поэта столь исключительного дарования к какой-либо сумме более или менее известных фактов. Жизненный путь Иосифа Бродского неотделим от пути литературного, их взаимовлияние бесспорно, драматические повороты в судьбе поэта были обусловлены в первую очередь его стремлением к творческой свободе. Льва Лосева связывала с Иосифом Бродским не только многолетняя дружба: Лосев переводил его эссеистику, был исследователем и комментатором стихотворного наследия. Своей книге Лев Лосев дал подзаголовок «Опыт литературной биографии», соединив биографическую канву с различными аспектами творческой биографии Бродского, обратившись к истокам его поэтики, этическому и эстетическому кредо, влиянию литературной традиции и т. д. Бродский предстает не только исключительно мужественным человеком, но и оригинальным мыслителем, выдающимся мастером слова.

Издание снабжено вклейкой с иллюстрациями.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

© Л. В. Лосев (наследник), 2006
© Центральный государственный архив кинофонофото документов Санкт-Петербурга, фото, 2025

© Фонд по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского, 2025
© А. И. Бродский (наследники), фото, 2025
© Я. А. Гордин, фото, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29514-8

The lesser commenting upon the greater has, of course, a certain humbling appeal, and at our end of the galaxy we are quite accustomed to this sort of procedure.

*Иосиф Бродский*¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Ничто в двадцатом веке не предвещало
появления такого поэта, как Бродский.

Чеслав Милош

О гениальности

И правда, Бродского нельзя было предсказать. В последние десятилетия XX века, в период кризиса скомпрометированных идеологий, когда само существование нравственных абсолютов и вечных эстетических ценностей было взято под сомнение, Бродский писал о борьбе Добра и Зла, Правды и Лжи, Красоты и Безобразия. Писать об этом, по словам Милоша, можно, лишь соблюдая некий нравственный кодекс: поэт «должен быть богобоязненным, любить свою страну и родной язык, полагаться только на свою совесть, избегать союзов со злом и не порывать с традицией»². Но главное у Бродского, добавляет Милош, «его отчаяние, — это отчаяние поэта конца XX века, и оно обретает полное значение только тогда, когда противопоставлено кодексу неких фундаментальных верований. Это сдержанное отчаяние, каждое стихотворение становится испытанием на выносливость»³. При этом голос его поэзии звучал непререкаемо, как голос власть имеющего. Александр Кушнер, всегда чутко откликавшийся на поэзию Бродского, писал: «Я смотрел на поэта и думал: счастье, что он пишет стихи, а не правит Римом...»

Высокую авторитетность поэтическому голосу Бродского придавала гениальность. Если кому-то это заявление покажется пустым или тавтологическим, то это оттого, что

понятие «гениальности» затрепано бездумным, развратным употреблением. Между тем оно имеет вполне конкретное значение, связанное с однокоренным словом «генетика». Усиленная по сравнению с нормой витальность благодаря редкой комбинации генетического материала проявляется во всем: в глубине переживаний, силе воображения, харизматичности и даже физиологически, в ускорении процессов взросления и старения.

Гениальность невозможно определить научно, хотя такие попытки и делались⁴. Даже если ученые могут описать определенные психофизиологические характеристики, свойственные особо выдающимся художникам, сами по себе они еще не являются гарантией творческих достижений. Человек, ими обладающий, может быть великим поэтом, а может быть и городским сумасшедшим. Признание гениальности, талантливости, одаренности — вопрос мнений. Мне, скажем, самой лучшей представляется аксиология, предложенная Цветаевой в статье «Искусство при свете совести»: «Большой поэт. Великий поэт. Высокий поэт. Большим поэтом может быть всякий — большой поэт. Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого — самого большого дара мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремления этого целого к определенной цели, то есть устройство этого целого. Высоким же поэтом может быть и совсем небольшой поэт, носитель самого скромного дара... силой только внутренней ценности добывающийся у нас признания поэта»⁵. Цветаевский «великий поэт» и есть гений. «Гений: высшая степень подверженности наитию — раз, управа с этим наитием — два. Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. Высшая — страдательности и высшая — действенности. Дать себя уничтожить вплоть до последнего какого-то атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет — мир»⁶.

Гениальность не является личной заслугой, так как она по определению врожденное качество или, говоря старинным поэтическим языком, «дар». Мы чтим поэта не за то, что он родился не таким, как мы, а за ту волю, которую он приложил к своему дару. Бродский имел право гордиться тем, что он свой дар «не зарыл, не пропил» («Разговор с небожителем», КПЭ). Объяснить феномен гениальности невозможно. Как сказала о великих поэтах Ахматова: «Про это / Лучше их рассказали стихи». У нас речь пойдет не о тайне личности Бродского, а о мире, в котором он жил и который так или иначе отразился в его стихах.

Мир Бродского: предварительные замечания

Если бы мы не знали его стихов, а только его высказывания о поэзии, у нас возникло бы абсолютно превратное представление о том, какие стихи пишет Бродский.

Ни с кем из поэтов старшего поколения не был он так близок, как с Ахматовой, старшим другом и ментором. Но между его и ахматовской поэзией и поэтикой нет ничего общего. Напротив, черты родства и сходства мы находим с теми, от кого он был отделен или временем — Державин, Баратынский, или географией и культурой — У. Х. Оден, или политикой — Маяковский.

В извечном для русской культуры противостоянии Москвы и Петербурга он считал себя и был — по воспитанию, характеру и вкусам — типичным петербуржцем. «Тем не менее, — писал Сергей Аверинцев, — слишком очевидно, что силовой напор его стиха, взрывчатость его рифм, наступательность его анжамбеманов (*enjambements*), вообще весь тонус его поэзии имеют несравненно больше общего с москвичкой Цветаевой, чем с какими-либо пе-

тербургскими образцами (включая даже Мандельштама)». Правда, Аверинцев добавляет: «Но питерская черта — железная последовательность, с которой Бродский воспринимал любую парадигму, хотя бы и совсем не питерскую»⁷.

В то время, когда откровенно поставленные метафизические темы казались окончательно устарелыми, Бродский только ими и занимался. Рассуждая о поэзии, он настаивал на недоговоренности, нейтральности тона, особенно ценил сдержанность в выражении чувств. Все это опровергалось его собственными стихами. В то время, когда русский стих тяготел к малой форме, к поэтике намека и недосказанности, его стихотворения длинные, порой длиннее поэм у иных авторов. Иногда кажется, что он не в силах остановиться, пока не выговорит до конца названия всех вещей, попавших в поле поэтического зрения и слуха. Перечни вещей, явлений живого мира, словечек и фразочек уличной речи кажутся исчерпывающими уже в ранней «Большой элегии Джону Донну», и, спустя десятилетие, в «Осеннем крике ястреба», в «Зимней» и «Летней» элегиях, и в «Представлении», написанном еще через двенадцать лет. У нас нет конкордансов к сочинениям всех крупных русских поэтов, но можно предположить, что Бродский здесь словесный чемпион. Неполный словарь его поэзии состоит из 19 650 отдельных слов. Для сравнения: в словаре Ахматовой чуть более 7000 слов⁸. Такое богатство словаря говорит о жадном интересе к вещному миру. Только в первой части «Эклоги летней» (У) 23 ботанических наименования там, где иной поэт сказал бы: трава. Оно говорит также о любви, вернее, страсти к родному языку. «Припадаю к народу, припадаю к великой реке. / Пью великую речь...» — писал молодой Бродский в архангельской деревне («Народ», *СНВВС*). Речь он черпал из любых источников, «потому что искусство поэзии требует слов» («Конец прекрасной эпохи», *КПЗ*), — из советской газеты,

из блатной и лабухской фени, из старинных книг и научного дискурса. Чего в его словаре почти совсем нет, это словотворчества, неологизмов. Нет зауми, за исключением нескольких пародийных моментов.

Его строфический, то есть по существу ритмико-синтаксический, репертуар является богатейшим в русской поэзии⁹, но все это богатство — вариации на основе метрики и строфики поэзии классики и модернизма. Авангардных экспериментов в этой области у него нет. Верлибры весьма редки. Связь с традицией подчеркивается еще и поистине бесконечным числом открытых и скрытых цитат, намеков на другие тексты, пародий.

Впрочем, не все архаизмы у Бродского цитатны или пародийны. Муза для него — живое понятие. Мне не раз приходилось слышать удивленные или неодобрительные замечания по поводу того, что его поэзия несовременна. В дни суда над Бродским один бесталанный советский поэт, недурной человек, с удивлением сказал мне: «Дали прочитать его стихи, они какие-то... архаичные». Он думал, что Бродского преследуют за авангардизм в духе Андрея Вознесенского или, того пуще, Виктора Сосноры. И лет пятнадцать спустя — от американского литератора: «Теперь так не пишут». И на мой вопрос: «Как — *так?*» — «Ну, Муза там, Аполлон...»

О пользе поэзии

«Poetry makes nothing happen» — известный афоризм Уистана Хью Одена — из-за его лаконичной простоты трудно перевести: «Поэзия последствий не имеет», «Ничего в результате поэзии не происходит», даже просто «Ничего поэзия не делает!» (если произнести с досадливой интонацией) — всё будут приблизительно верные переводы¹⁰.

У Одена это вырвалось в марте 1939 года, после почти десятилетних попыток изменить мир с помощью поэзии. Мир оставался жесток, несправедлив и стремительно катился к новой тотальной войне. Придя к отрицанию общественной пользы поэзии, Оден бесполезного призвания все же не бросил до конца своих дней. «Если поэзия и была для него когда-нибудь вопросом амбиций, он прожил достаточно долго, чтобы она стала просто способом существования. Отсюда его независимость, здравомыслие, уравновешенность, ирония, отстраненность — словом, мудрость»¹¹, — пишет Бродский, избравший Одена в менторы наряду с Ахматовой. Уже после Второй мировой войны Оден говорил, что все стихи в мире не спасли от газовой камеры хотя бы одного еврея. Бродский не настаивает на общественной полезности или гуманитарной миссии поэзии, но указывает на ее другую функцию — спасение душевного здоровья: «Читать [Одена] — это один из, а возможно, единственный способ почувствовать себя человеком достойным»¹².

Можно обладать чувством собственного достоинства, не читая никаких стихов. Да и читать стихи можно по-разному. Можно прочитать два-три, даже одно стихотворение поэта — и прочитанный текст вступит во взаимодействие с нашим собственным эмоциональным и культурным опытом, войдет в нашу память и, поскольку искусство по определению есть создание форм для репрезентации чувств, будет помогать нам разбираться в нашей душевной жизни. В старину это называлось сентиментальным воспитанием. Стоявший у истоков русской поэзии Карамзин в «Послании к женщинам» (1795) так и определил роль поэта: «Он (...) верно переводит / Всё темное в сердцах на ясный нам язык...» Естественно, чем шире мы знакомимся с творчеством поэта, тем богаче становится наш эмоциональный мир, не говоря уж о том, что чтение стихов доставляет нам радость. Мы испытываем наслаждение от

лингвистического богатства текста, от гармонического совершенства, от остроумия и, нередко, от пережитого катарсиса. Всегда интимно обращенное только к индивидуальному читателю или, как сказал бы Бродский, к «гипотетическому alter ego» автора, лирическое творчество поэта опосредованно влияет и на общество в целом.

Можно читать и по-другому — не отдельные стихотворения, а поэта в целом. В идеале каждый поэт заслуживает быть прочитанным от корки до корки — от детских опытов до оставшихся неоконченными черновиков. Только при таком знакомстве читатель получил бы от поэта все, что поэт может ему дать. Этот идеал практически труднодостижим, а книги, подобные предлагаемой вашему вниманию, являются компактным вариантом полного знакомства. Здесь пропущенные звенья, приглушенные переключки текстов, пассажи, тесно связанные со временем, местом, обстоятельствами создания стихотворения, в какой-то мере восполняются и объясняются усилиями комментатора. Простодушно, но верно озаглавил свои комментарии к собранию сочинений Державина в 1866 году Я. К. Грот: «Объяснения на сочинения (...) относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна (...) и анекдоты, во время их сотворения случившиеся». Мои «объяснения на сочинения» Иосифа Бродского состоят из данного очерка и публикуемых отдельно примечаний к стихотворениям.

Возможно ли жизнеописание поэта?

Хотя нижеследующая первая глава начинается словами: «Иосиф Александрович Бродский родился...» — предлагаемый очерк — не биография, а литературная биография поэта. Биограф превращает сведения о жизни и творчестве

своего героя в связное повествование, с началом и концом, выделением главного и пропуском менее существенного. В нарративе (повествовании) хронологическая последовательность предполагает причинно-следственную связь: это произошло, потому что раньше произошло вот это. Бродский был категорическим противником превращения своей, вообще любой человеческой жизни в нарратив, в подобию романа XIX века. На собственный риторический вопрос: «Что сказать мне о жизни?» — отвечал: «Что оказалась длинной», то есть отказывал жизни в структурированности. В этом стихотворении, написанном в день своего сорокалетия, он перечисляет моменты прожитой жизни, и в их последовательности нет логики, одно не вытекает из другого:

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.

(«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»)

Жизнь слишком непредсказуема и абсурдна, чтобы ее можно было превратить в нарратив. Единственной литературной формой адекватной жизни является лирическое стихотворение, всегда многозначное и суггестивное. Поэтому Бродский всегда настаивал на том, чтобы о нем судили не по биографии, а по стихам.

Свои стихи он долго считал самодостаточными и не нуждающимися в объяснениях критиков. Сохранилось немало его высказываний на этот счет, подчас весьма ядовитых. Однако в конце жизни он стал допускать необходимость комментария для «молодых читателей»¹³. Стихи создаются в истории, и многие явно или скрыто присутствующие в тексте исторические реалии со временем неизбежно начинают нуждаться в пояснении.

Еще более скептически, чем о комментировании стихов, Бродский высказывался о жизнеописаниях поэтов. Принципиально его позиция сводилась к тому, что у зрелого поэта не жизненный опыт и бытие влияют на стихи, а, наоборот, стихи могут влиять на бытие или создаваться безотносительно к непосредственному жизненному опыту, «параллельно». Еще в детстве его осенила крамольная в условиях марксистского идеологического режима идея: «Изречение Маркса „Бытие определяет сознание“ верно лишь до тех пор, пока сознание не овладело искусством отчуждения; далее сознание живет самостоятельно и может как регулировать, так и игнорировать бытие»¹⁴. Автономия искусства была одним из доказательств этой более общей идеи¹⁵.

Бродский не хотел, чтобы стихи рассматривались как непосредственная реакция на жизненные перипетии. Но жизнеописание поэта не обязательно объясняет стихи. Оно может говорить о взаимоотношениях его творчества с культурой его времени, не о том, «что хотел сказать автор своим произведением», а о том, как разнообразно реагировало общество на его произведения, об историческом процессе, в котором он вольно или невольно участвовал. Здесь мы не полемизируем с Бродским, поскольку биографизм такого рода он молчаливо принимал, что подтверждается его статьями и очерками о поэтах. О Цветаевой, Одене, Вергилии, Кавафисе, Рильке, Монтале он писал, усердно пользуясь биографическими трудами.

Биографическая канва выстроена в предлагаемом труде преимущественно на основе воспоминаний и высказываний самого Бродского, которые по мере необходимости дополняются фактами из других источников. В основном же это обозрение не частной жизни поэта, а его жизни и поэзии в отношении к эпохе, ее литературе, культуре и философии, *biographia literaria*.

Может быть, мне и не следовало писать эту книгу. Более тридцати лет ее герой был моим близким другом, а отсутствие дистанции не способствует трезвому подходу. И уж точно Иосиф не одобрил бы эту затею. Но и не запретил бы. Сказал бы, как он говорил в таких случаях, пожимая плечами: «Ну, если тебе это интересно...» Интересно мне было в течение нескольких лет писать комментарии к его стихотворениям. Когда с комментариями было покончено, оказалось, что сопроводить их связным текстом, очерчивающим жизненный фон стихов, не только интересно, но и необходимо.

Лев Лосев
15 декабря 2005 г.

Глава I

ПЕТЕРБУРЖЕЦ

Родина Бродского

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в клинике профессора Тура на Выборгской стороне¹⁶. В православном календаре 24 мая празднуются дни святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской грамоты, но, выросший в ассимилированной еврейской семье, поэт узнал об этом, только будучи взрослым, когда он уже и так давно связал свою судьбу с «милой кириллицей». В стихах он вспоминал порой о том, что рожден под созвездием Близнецов (по представлениям астрологов, это предвещает склонность к «глубокому дуализму и гармонической двусмысленности»), но в быту чаще повторял народную поговорку: «В мае родиться — век маяться».

Петербург — самый северный из больших городов мира. Бродский всю жизнь боялся жары, летом его тянуло в северные края — с соснами, гранитом, мхом, серым небом и серой водой. Жить ему всегда хотелось в городе у большой реки или моря.

Когда началась война и отец ушел в армию, мать с годовалым сыном переехала из квартиры отца на углу Обводного канала и проспекта Газа (Старо-Петергофского) поближе к своей родне, в дом за Спасо-Преображенским собором. Там Бродские жили до 1955 года¹⁷. Когда Иосиф был уже подростком, переехали через площадь наискосок в «дом Мурузи». Большой доходный дом, изукрашенный в «мавританском» стиле, был построен по проекту архи-

тектора А. К. Серебрякова для князя А. Д. Мурузи в 1874–1877 годах на участке, некогда принадлежавшем Н. П. Резанову, известному в русской истории своим роковым плаванием в Калифорнию в 1803 году. С 1890 года и до революции владельцем дома был генерал-лейтенант Рейн¹⁸. Бродский жил в описанных им позднее «полтора комнатах» до отъезда из России в 1972 году. Там же до конца своих дней оставались его родители. Из окна своей комнаты Иосиф с детства видел Спасо-Преображенский собор — сначала прямо перед окном, а после переезда в дом Мурузи — если посмотреть направо.

Выстроенный по проекту Земцова и Трезини в середине XVIII века и перестроенный Стасовым в 1827–1829 годах, Спасо-Преображенский собор при советской власти оставался одним из немногих действующих храмов в Ленинграде. «Все детство я смотрел на его купола и кресты, на звоняря, на крестные ходы, на Пасхи, на заупокойные службы — сквозь окна, на факелы, на венки и жезлы центурионов, обильно украшавшие его белые стены, на легкий классический бордюр его карнизов», — вспоминал Бродский¹⁹. В садике у собора мать и бабушка учили его кататься на велосипеде. Ограда садика сделана из пушечных стволов, захваченных у турок в ходе победоносной войны 1828–1829 годов на Балканах²⁰. Стволы соединены толстыми чугунными цепями, «на которых самозабвенно раскачивались дети, наслаждаясь как опасностью свалиться на железные острия прутьев внизу [sic], так и скрежежом. Стоит ли говорить, что это было строго запрещено и церковный сторож постоянно прогонял нас. Надо ли объяснять, что ограда казалась гораздо интереснее, чем внутренность собора с его запахом ладана и куда более статичной деятельностью. „Видишь их? — спрашивает отец, указывая на тяжелые звенья цепи. — Что они напоминают тебе?“ Я второклассник, и я говорю: „Они похожи на восьмерки“. — „Правильно, — говорит он. — А ты знаешь, символом чего является восьмерка?“ — „Змеи?“ — „Почти. Это

символ бесконечности“. — „Что это — бесконечность?“ — „Об этом спроси лучше там“, — говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор»²¹.

В Преображенскую площадь, на которой вырос и жил Иосиф, упирается Пантелеймоновская (Пестеля) улица. Начинается она от Фонтанки у Летнего сада, от моста с перилами, украшенными щитами Персея с ликом горгоны Медузы. В детской книжке Корней Чуковский пересказывал историю Персея. Вид Медузы с копной шевелящихся змей вместо волос был так страшен, что люди превращались в камень, едва взглянув на нее. Но Персей был не только храбр, но и хитер. Он заставил Медузу взглянуть на ее собственное отражение в отполированном, как зеркало, щите. Мифы читаются в детстве как сказки: интересно, весело, страшно. С возрастом человек обнаруживает, что на самом деле мифы объясняют жизнь, подсказывают, что таится под ее поверхностью. «...На одном мосту чугунный лик Горгоны / казался в тех краях мне самым честным ликом» («Пятая годовщина», У), — будет вспоминать Бродский много лет спустя далеко от родного города²². К тому времени он уже будет писателем, и мотив страшного зеркала, «зеркала Стендаля», станет постоянным в его стихах и прозе. К тому времени он уже будет знать, что другой петербургский поэт называл прекрасный город «болотной медузой»:

И плоть медузы облекла
Тяжеловесная порфира²³.

Но в раннем детстве все воспринимается как единственно возможный порядок вещей, и если на фасадах и перилах самого северного из больших европейских городов можно прочесть мифы Греции и Рима, то так оно и должно быть. Также не вызывает вопросов, почему христианский храм окружен стволами смертоносных пушек.

Если принять Преображенскую площадь за центр, то внутри круга, описываемого радиусом получасовой про-

гулки, оказываются Летний сад, Инженерный замок, Эрмитаж, Таврический сад, Смольный монастырь и почти все места, связанные со значительными событиями жизни Бродского, — школы, где он учился, дома, где жили друзья, Дом писателей на Шпалерной, место его поэтических триумфов и источник интриг против него. А за Литейным мостом место его первой работы, завод «Арсенал», и второй — областная больница. Там же тюрьма «Кресты», где он сидел в 1964 году. Совсем рядом с домом, в двух кварталах, внутренняя тюрьма ленинградского управления Комитета госбезопасности, где он провел два дня после второго ареста в 1962 году. Еще ближе сам «Большой дом», откуда за поэтом шпионили.

Этот ареал даже в Петербурге выделяется богатством своей культурной истории. Родной была Пантелеймоновская улица и ее окружение. В доме № 5 на Пантелеймоновской, где жил друг Бродского поэт Владимир Уфлянд, в 1833–1834 годах снимал квартиру Пушкин. Бродский цитировал²⁴ из письма Пушкина жене: «Летний сад — мой огород. Я, вставши ото сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем. Читаю и пишу. Я в нем дома».

В доме на углу Пантелеймоновской и Литейного, где Бродский прожил две трети своей российской жизни, до него квартировали А. А. Пушкин, старший сын поэта, и Н. С. Лесков (в 1879 году). З. Н. Гиппиус с Д. С. Мережковским и Д. В. Filosoфовым жили там с 1899 до 1913 года. В их квартире собиралось Религиозно-философское общество, у них часто бывал Блок, останавливался, приезжая из Москвы, Андрей Белый. В 1919 году в этом доме помещалась литературная студия при издательстве «Всемирная литература» под руководством К. И. Чуковского, где читали лекции Н. С. Гумилев и Е. И. Замятин, а среди слушателей были молодые поэты-акмеисты и писатели, называвшие себя «серапионовыми братьями». В 1920 году студию сменил клуб «Дом поэтов» под председательством сначала Блока, а потом Гумилева. Здесь 21 октября 1920 года

читал новые стихи Мандельштам, о чем есть заинтересованная запись в дневнике Блока. Здесь же собирался и знаменитый гумилевский «Цех поэтов»²⁵. Это непустовавшее «свято место» было некогда отмечено Достоевским: «Генерал Епанчин жил в собственном своем доме, несколько в стороне от Литейной, в сторону Спаса Преображения...» Там, где вскоре вырастет дом Мурузи, разворачиваются важные события романа «Идиот». Как писал поэт-символист В. А. Пяст, тоже одно время живший в доме Мурузи:

Домов обтесанный гранит
Людских преданий не хранит.
Но в нем *иные* существа
Свои оставили слова.

Бродский не придавал слишком большого значения совпадению своего места жительства с местом, столь памятным в истории русской литературы. Факты и даты из истории своего дома он знал неточно. Полагал, что в доме Мурузи снимал квартиру Блок. Он неоднократно бывал там, у Мережковских, а после революции — в студии и клубе поэтов, но не жил. «И как раз с балкона наших полутора комнат, изогнувшись гусеницей, Зинка выкрикивала оскорбления революционным матросам»²⁶. Картина выразительная, но такого быть не могло: Мережковские съехали до революции, в 1913 году, да и жили они в другой части дома.

Дотошным знатоком петербургской истории Бродский не был, но город был для него населен призраками петербургской литературы.

...я снова вижу в Петербурге
фигуру вечную твою²⁷.

Это обращение к главному герою петербургского мифа, пушкинскому Евгению, в юношеской поэме «Петербургский роман». Стихи в поэме еще неумелые, многие сравне-

ния, метафоры, эпитеты вычурны и невняты, и приходится догадываться, что хочет сказать двадцатилетний поэт трехэтажными родительскими падежами:

Река и улица вдохнули
любовь в потертые дома,
в тома дневной литературы
догадок вечного ума, —

и в следующей строфе, озадачивающей отсутствием глагола:

Гоним, но все-таки не изгнан,
один — сквозь тарахтящий век
вдоль водостоков и карнизов
живой и мертвый человек²⁸.

Очевидно, он хочет выразить восторг по поводу открытия: писатель давно умер, а его персонаж, гонимый бедный Евгений, в нашем воображении жив. Для любящего этот город, петербургские дома и тома петербургской литературы — одно. Друг без друга они лишены смысла. Только через два года Бродский прочтет по-настоящему сильные стихи на ту же тему — «Петербургские строфы» Мандельштама. К тому времени он и сам будет уже куда свободнее владеть стихом.

Бродский сравнительно поздно заинтересовался поэзией. Он начал сочинять лет в семнадцать. Ему было уже за двадцать, когда в его стихах стали проявляться признаки оригинальности, но после этого мастерство он набирал очень быстро. «Шествие», длинная поэма («мистерия»), написанная через несколько месяцев после «Петербургского романа» и тоже полная еще не проясненных юношеских волнений, представляет ту же тему значительно отчетливее: по осенним ленинградским улицам бредут князь Мышкин из Достоевского, Арлекин и Коломбина из Блока, Крысолов, скорее из Александра Грина, чем из Цветаевой.

К тому времени эти вечные персонажи уже лет тридцать как были изгнаны из круга дозволенного чтения

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОСЕВ
ИОСИФ БРОДСКИЙ:
ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.07.2025.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 38,13 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

16+

A-NFF-38631-01-R